

ОБ ОДНОМ ВЕРОЯТНОМ БАЛТИЙСКОМ СООТВЕТСТВИИ
ИМЕНИ ОРФЕЯ КАК «УБИТОГО МОЛНИЕЙ»

После краткого обзора высказанных мнений о происхождении имени Орфея А.В. Лебедев подчеркивает, что др.-гр. Ὀρφεύς не имеет надежной этимологии, и заключает: «Отсутствие греческой этимологии само по себе указывает на то, что это до- или негреческое имя (что допускает и Шантрен), переоформленное по типу имен на -εύς. Поскольку античная традиция настойчиво говорит о фракийском происхождении Орфея, представляется возможным сопоставить Ὀρφεύς с алб. *rrufeje, rrefeje* ‘молния’, болг. (диал.) *рофeya, руфя* ‘молния’, для которых предполагается „палеобалканский источник” [...], отражение которого видят в греч. ῥομφαία ‘меч’ (у фракийцев)». Что касается этимологии слова, то «объяснение Фриска (к *ῥέμω ‘изгибать’) неприемлемо семантически, так как ῥομφαία – прямой меч (ῥομφάξ ῥομφαίας Plut., Aem. 18). Сопоставление с [...] рус. рубить, лит. *rėmbėti* и т.д. одновременно проясняет и семантическую связь между ῥομφαία ‘рублю’ > ‘меч’ и ῥομφεῖς ‘рубцы’». Можно добавить, что наряду с *rumbėti* ‘покрываться рубцами, рубцеваться’ к тому же корню в литовском относятся *rumbėti* ‘то же’, *rumbyti, rumbioti* ‘обрубать, оставлять рубцы’, отсюда страдательное причастие прошедшего времени *rumbotas, rumbiotas* ‘в рубцах, рубцеватый, рубчатый’ и т.п. (все восходят к и.-е. **remb-/romb-/rmb-* ‘рубить, делать зарубку, рубец, шрам’), с чем мы как раз будем иметь дело.

Что касается собственно имени Орфея, продолжая цитату А.В. Лебедева, «следует предполагать метатезу начального слога (или протезу ὀ-) в греческом слове и постулировать значение ‘убитый молнией’ [...]; теоретически мыслимо также пассивное причастие от глагола со значением ‘поражать молнией’, ср. *κεραυνωθείς* [‘пораженный молнией’]. По основной версии легенды о смерти Орфея он был растерзан менадами (впервые в „Бассаридах” Эсхила), по другой – у б и т м о л н и е й Зевса: впервые у софиста Алкидаманта [...]. Вторую версию считали позднейшей, даже антиорфической, но если предлагаемая этимология верна, именно ее надо считать исконной, а версию Эсхила – перенесением на Орфея страстей Диониса-Загрея и созданием поэтов [...]. „Молния” имеет особую значимость в орфической антропологии (*κεραυνώσις* титанов) и эсхатологии; в текстах на золотых пластинках из Южной Италии покойник говорит о себе, что он был у б и т м о л н и е й [...]. В этом, вслед за Роде, усматривается

«феномен санктификации и культа убитых молнией. Если наша гипотеза верна, то парадигматическим пра-покойником, „убитым молнией”, оказывается сам основатель орфической религии. [...] Адаптируя гипотезу Роде, можно предполагать существование у фракийцев санктификации и культа убитых молнией; „орфеев” в таком случае могло быть много. Могилы Орфея в Дие и Киконии, возможно, были настоящими могилами убитых молнией. Многочисленные „родины” Орфея – Киконы, Одрисы, Бистоны, Сифонийцы, Геты, Пиерия, Гем, Родопы, Исмар, Стримон, Гебр – возможно, не просто Ersatzwörter für Thraker (Циглер), а свидетельство о распространении интересующего нас феномена»¹.

Сакрализация людей, пораженных молнией, очень хорошо известна в литовской традиции. Ср. хотя бы следующие народные поверья: «Человек, пораженный Пяркунасом, считается святым, счастливым»; «Человек, убитый громом, идет на небо»; «Пораженного громом человека считают счастливым на небесах» и т.п. М. Преториус (XVII в.) описывает случай, когда один жемайтский нищий поспешил к месту, где, как он каким-то образом заранее почувствовал, должен был ударить гром, но не успел, и только припал к этому месту, ел пепел и плакал о том, «что Бог не забрал его из мира сего», а позже на расспросы священника ответил: «Я желал оставить этот мир, и если Бог взял бы меня к себе через свой гром, то я исчез бы совсем безболезненно и там, на небе, служил бы моему Богу, и из этого я мог бы заключить, что я Божье дитя». Пепел он ел от всех болезней в надежде здоровым дожидаться того часа, когда Бог все же возьмет его к себе («Preussische Schaubühne» IV.6.10)². Наконец, Громовержец имел силу посвящать человека в жрецы: так, в сказке заболела королевская дочь, и никто не мог ее вылечить, пока не появился один нищий, имеющий необычные знания и способности: «У него это откровение было от грома. Жрецом был, много знал».

Также у славян практически повсеместно распространено поверье, что убитый молнией (громом) человек – праведник; после своей „святой” смерти он сразу попадает в рай и не должен „вставать на Страшный суд”. От молнии рождаются люди, отмеченные особыми дарованиями, – таково славянское предание о рождении волхвов.

---

¹ См. А.В. Лебедев. Происхождение имени Орфея // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры (Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму). Москва, 1986, с. 37–40.

² Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. III: XVII amžius / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 2003, p. 135–136.

Повсеместно люди, пораженные молнией, считались отмеченными Богом, если выживали, или попавшими прямо на небеса, если погибали. Так, «жрецы инков утверждали, что свое дарование они получили будучи пораженными громом»³. Согласно М. Элиаде, «у бурят, сойотов и эскимосов человек может стать шаманом в том случае, если его коснулась молния»⁴. И «это переживание выражается в виде сгорания плоти и разрушения скелета. Пораженного молнией якута Bukes Ullejeen разнесло на множество кусков, его спутник бежит в деревню и возвращается с несколькими мужчинами, чтобы собрать останки для захоронения, но они находят Bukes Ullejeen здоровым и невредимым. „Бог Грома спустился с небес и разнес меня на маленькие кусочки“, – говорит им Bukes. „Теперь я вернулся обратно к жизни шаманом, и я могу видеть все, что делается в округе на расстоянии в тридцать верст“. Bukes за одно мгновение прошел иницирующие переживания, которые у других занимают довольно длительный период и включают разрезание тела, превращение в скелет и обновление плоти»⁵. В нашем же случае это может объяснить переход от версии Алкидаманта о смерти Орфея как убитого молнией к версии Эсхила, согласно которой; Орфей был растерзан.

Удар молнии изменяет не только религиозный статус человека, но и любого другого предмета или места, придавая ему качество сакральности. Например, те же греки обносили пораженные молнией места оградой и посвящали их Зевсу, нисходящему с небес во вспышке молнии. В этих огражденных местах устанавливались алтари, и на них приносились жертвы.

Среди предметов, приобретающих качество сакральности вследствие удара молнии, особое место занимает дерево, в первую очередь дуб, но не только. Так, в Белоруссии бытовало представление, что разбитого молнией дерева черти боятся *як свенцоной воды*; пораженное громом дерево, т.е. громобой как защита от грома и молнии, как оберег от несчастий, даже от пули, лечебное средство от болезней и т.п. хорошо известно у всех славян.

Сакрализация и культ разбитого громом дерева не менее хорошо известны в Литве. Осколки дерева, разбитого громом, клали под крышу, под фундамент дома, в стену. Во время грозы такие осколки сжигались, ими

---

³ J. Chevalier, A. Gheerbrant. A Dictionary of Symbols. London, 1996, p. 1006, 1005.

⁴ М. Элиаде. Мифы, сновидения, мистерии. Москва; Киев, 1996, с. 83.

⁵ Там же, с. 89–90, со ссылкой на: Г.В. Ксенофитов. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Москва, 1930, с. 76.

окуривались все комнаты. Осколки разбитого громом дерева использовались при лечении от лихорадки, как средство для окуривания, питья, от припадков (испуга, конвульсий) и т.п. «В упомянутых здесь случаях осколки разбитого громом дерева считаются оберегом и в то же время освящающим средством»⁶.

Причем в известном мифологическом сюжете о споре Громовержца с его противником чертом налицо параллель между пораженными громом деревом и человеком (наряду с другими объектами, в которых прячется черт). В русском варианте, опубликованном в собственном пересказе Г.С. Виноградовым в 1915 г., эта параллель отражается особенно наглядно: «Спорит однажды Бог с сатаной... Сатана говорит: „Я от тебя в дереве спрячусь“. „А я дерево расщеплю и в дереве тебя найду“, – отвечает Бог. „Тогда я спрячусь в камне“. „И в камне я тебя найду“. „А я в рабу твою спрячусь“. „Я рабу свою убью, тебя там найду, а рабу грехам прощу“. С тех пор во время грозы сатана прячется – то в дерево, то в скотину, то в человека. Если дерево разобьет грозой, говорят: *Ишь, ведь, куда спрятался – проклятый!*.. А про убитых грозой людей говорят: *Богу достойный...*»⁷.

Обращает на себя внимание намерение Громовержца, изъявленное в только что приведенных примерах, расщепить дерево. При том расщепление это можно понять двояко: и как раздробление в щепу, в осколки, и как разделение, расщепление ствола дерева на несколько частей; ср. соответствующие примеры, приводимые В. Далем: *Грозой дуб расщепило до пополам* или *расщепило на мелко*. Соответствующий диапазон значений обнаруживает и литовский глагол (*su*)*skaldyti* ‘дробить, раздроблять, расщеплять, колоть (дрова), раскалывать’. Весьма вероятно поэтому, что и почитание деревьев с раздвоенным (в том числе впоследствии сросшимся) или сходным образом выделяющимся стволом связано с сакрализацией деревьев, пораженных молнией.

Во всяком случае, в русской традиции чаще всего священными считались старые деревья, с наростами, дуплами, выступающими из-под земли корнями или расщепленными стволами, а также имевшие два или три ствола, выросшие из одного корня. Между стволами таких деревьев пролезали больные, протаскивали больных детей в надежде на выздоровление. То же самое наблюдается у всех славян.

---

⁶ N. Laurinkienė. Senovės lietuvių dievas Perkūnas, p. 121.

⁷ Г.С. Виноградов. Самоврачевание..., с. 355, примеч. (цит. по: Энциклопедия суеверий, с. 102).

Кульť деревьев с расщепленным стволом также был хорошо известен в Литве. Так, Иоанн Арнольд Бранд в 1673–1674 гг. о прусских литовцах в этом отношении пишет: «В церковном приходе Пилкалнис, вблизи от *Petreifeelen*, есть липа, выросшая так, что в середине между сросшимися ветвями видна дыра, через которую может пролезть человек; через нее литовцы лазят ежегодно во время жатвы, когда спины от работы устают или болят, и суеверно думают, что это помогает от боли...». По данным М. Гимбутене, «в окрестностях Неманюнай (Лаздийский р-н) женщины еще в 1910 г. молились у двуствольной ольхи»⁸. При этом поверья, касающиеся таких деревьев, буквально вторят поверьям о деревьях, пораженных громом: «Бревно двуствольного (грудами сросшегося) дерева или доску с двумя сердцевинами в стену постройки класть нельзя – Пяркунас бьет в такую постройку»; «В двуствольное дерево, особенно ель или сосну, Пяркунас бьет, так как в расщелине между деревьями [стволами] прячется бес» и т.п.

Многие исследователи обращали внимание на то, что именно таким – трехствольным – деревом был священный дуб в известном древнепрусском святилище Ромове, впервые упомянутом Петром из Дусбурга в 1326 г. Сам этот трехствольный – или, может быть, расщепленный на три части – дуб в первом описал Симон Грунау в «Прусской хронике» 1529 г.: «И дуб был разделен на три равных части, в каждой из которых, словно в преднамеренно сделанном для этого окне, стоял идол бога и перед собой имел свой знак. Одна часть несла на себе образ Пяркунаса... Другая часть несла на себе образ Потримпа... Третий образ, Патола, несла на себе третья часть...»⁹. Таким образом, в центре главного святилища древних пруссов, а может быть, и всех балтов, стояло именно дерево с разделенным на части стволом, при том непосредственно связанное с громовержцем Пяркунасом (хотя и не только с ним).

В нашем же случае особый интерес представляют некоторые замечания Матфея Преториуса (конец XVII в.):

IV.1.8: «Из всех мест Пруссии, где совершалась служба идолам, чаще всего упоминаются и более всего известны Ромове и Рикойот. Ромове или, по древнепрусскому наречию, Ромбове, названо так из-за удивительным образом произраставших там дубов; [название это]

---

⁸ M. Gimbutienė. *Senovinė simbolika lietuvių liaudies mene*. Vilnius, 1994, p. 59, 63.

⁹ Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. II: XVI amžiaus / Sudarė Norbertas Vėlius. Vilnius, 2001, p. 66–67, 104.

происходит от слова *Romiu, Rombiu, Rombothi*, что на древнепрусском означает 'срастись', употреблявшегося, собственно, в отношении деревьев, особенно, когда одна ветвь прирастала к другой или вращалась в нее. Поскольку на том месте стоял сросшийся таким удивительным образом дуб, который древние пруссы считали священным и особым местом пребывания своих богов, такое место или, скорее, тот дуб они называли *Romove*».

IV.2.1: «Древние пруссы считали священным не каждый дуб или дерево, но обычно только *Rombhota*, то есть те, которые таким удивительным образом друг с другом срослись, а также те, которые превосходили других высотой и шириной».

IV.2.2: «Генненберг упоминает огромную липу в Скалвии, в селе Шакунай, которая, поскольку была очень высокая и толстая, и при этом *Rombhota*, без сомнения, также считалась священной, и у нее (хотя тайно и ночью) приносились жертвы их богам».

IV.2.3: «Также была в лесу Нибуджяйского церковного прихода ель с двумя нишами, образованными сросшимися наверху ветвями, которая стояла еще в 1664 году... ; в этом году в нее ударил гром и разбил ее, а пень от нее сторел во время большого лесного пожара в 1673 году. К этой ели сходились и стар, и мал не только из Надравы и Скалвии, но и из Жемайтии и Литвы и приносили в жертву платки, коленные повязки, иногда платье, а также деньги. У них бытовало представление, что если какой-нибудь калека или человек с переломом пройдет между этими двумя ветвями, он выздоровеет, и встречается много людей, которые, по их мнению, испытали на себе силу таких деревьев и которые не стесняются эту ель хвалить. Ель эту тоже называли *Rumbūta Egle*; и когда шли к ней, говорили: *Eikim Rombhową*, а когда это произносили быстро, – *Eikim Romtową*. Таких елей, без сомнения, было и больше...».

IV.2.5: «Я думаю, священными для них были деревья всех пород с разветвленным и опять сросшимся стволом; в полях в окрестностях Рагайне был сросшийся таким образом дуб..., он также считался священным, через него пролезали те, у которых был перелом: пролезали через дыру, образованную отделившейся ветвью, и думали, что это им помогает. В моем саду в Нибуджяй была такая *Rombotha Krauszis*, т.е. сросшаяся груша; у нее я как-то раз обнаружил старика, который стоял у дерева на коленях и молился...»¹⁰.

---

¹⁰ Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai, t. III: XVII amžiaus, p. 109, 110, 111, 112, см. 230, 231–232.

Название святилища Ромове вряд ли имеет происхождение, предложенное, видимо, самим Преториусом, однако для нас в данном случае интерес представляет эпитет дерева, в частности, дуба с разделенным и сросшимся стволом – *Rombhota*, также *Rumbûta Egle*, *Rombotha Krauszis*, наконец, глагол *Rombothi* ‘срастись’. Судя по тому, что наряду с этим используются совершенно правильные литовские слова (*Eglė* = *ėglė* ‘ель’; *Krauszis* = *kraušis*, также *kraušė*, *kriaušė*, *kriaušis* ‘груша’; *Eikim* = *eikim* ‘пойдем’), глагол *Rombothi* ‘срастись’ правомерно будет отождествить с упомянутым в начале статьи лит. *rumbóti*, *rumbúoti* ‘обрубать, оставлять рубцы’, а эпитет *Rombhota*, *Rombotha* или *Rumbûta* – со страдательным причастием прошедшего времени м.р. *rumbótas* или *rumbúotas* ‘в рубцах, рубцеватый, рубчатый’ (ж.р. соответственно *rumbyta* или *rumbúota*); ср. также вариант *rambŭotas* ‘покрытый рубцами’, но и ‘сросшийся неживыми наростами’. Особого внимания заслуживает то, что в описанную *Rumbûta Egle* «у д а р и л г р о м».

Таким образом, данный эпитет полностью – как формально, так и семантически – отвечает имени Орфея как ‘пораженного молнией’ в реконструкции А.В. Лебедева. То, что литовский эпитет относится к дереву, а балканский – к человеку, в виду сказанного выше не должно смущать. С известным обобщением, следовательно, можно говорить о балто-славяно-балканском (не исключая и более широкого распространения) культе объектов, пораженных громом, в частности, деревьев и людей, обозначавшихся эпитетами, производными от корня и.-е. **remb-/*romb-/*rmb-* ‘рубить, делать зарубку, рубец, шрам’, которые и отражены в антропониме ‘Орфеус’ на Балканах и в обозначении дерева *rumbótas*, *rumbúotas* в Прусской Литве – на противоположных концах территории, издавна в разных отношениях составлявшей некое целое¹¹.

---

¹¹ См. В.Н. Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание. Москва, 1973; К фракийско-балтийским языковым параллелям II // Балканский лингвистический сборник. Москва, 1977.